

Секция «Журналистика»

Журналисты на войне: российский и зарубежный опыт

Соколова Дарья Валерьевна

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия
E-mail: Darina0306@gmail.com*

Специфика журналистской профессии предполагает опасные командировки, в том числе в «горячие точки». В данной работе анализируется опыт российских и зарубежных репортеров, работавших в зонах вооруженных конфликтов.

Всего было взято 20 интервью, в том числе девятью с иностранными корреспондентами и фотографами. Часть интервью была проведена очно, часть – по телефону и средствами электронной коммуникации (электронной почты, социальной сети Facebook). В опросе представлены два канала СМИ: пресса («Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», Life, The New Times, The Washington Post), телевидение (РЕН-ТВ, «Россия-24», Al Jazeera, CBC, Russia Today).

Интервьюированные зарубежные журналисты чаще освещали вооруженные конфликты во Вьетнаме (Martyn Burke, Barbara Gluck, Dirck Halstead), Афганистане (Martyn Burke, Kenneth Jarecke, Garry Knight, Lucian Perkins, Ami Vitale, Michael Yon), Персидском заливе (Kenneth Jarecke, Lucian Perkins) и Ираке (Dahr Jaimal, Kenneth Jarecke, Garry Knight, Lucian Perkins, Michael Yon). Их российские коллеги чаще отправлялись в Чечню (Вячеслав Гузь, Александр Коц, Ирина Куксенкова, Дмитрий Литовкин, Евгений Поддубный, Дмитрий Стешин), Южную Осетию (Игорь Завидей, Александр Коц, Ирина Куксенкова, Евгений Поддубный, Дмитрий Стешин), Ливию (Игорь Завидей, Александр Коц, Екатерина Кретова, Дмитрий Стешин) и Сирию (Ирина Галушко, Игорь Завидей, Армен Захарян, Александр Коц, Екатерина Кретова, Евгений Поддубный, Анастасия Попова). Это показывает, что опрошенные журналисты работали в конфликтах всех типов, различаемых нормами Международного гуманитарного права [7].

Что касается знания основ права войны, то с его положениями знакомы 63% российских корреспондентов и 77% их зарубежных коллег.

Какова была причина того, что журналисты отправились на войну? И российские, и иностранные репортеры называют, прежде всего, желание найти правду и донести её до аудитории. «Когда США вошли в Ирак, я почувствовал необходимость отправиться туда, чтобы рассказать правду о вторжении и оккупации», – рассказывает Дахр Джамель, корреспондент телеканала Al Jazeera [4]. А канадский сценарист Мартин Бёрк признается, что продал свою машину и отправился во Вьетнам, потому что скучал в Торонто! [1] Российские журналисты, как правило, ссылаются на задание редакции, от которого нельзя отказаться.

Из 19 опрошенных корреспондентов и фотографов трое получали контузии, двоих брали в плен, на одного напала толпа протестующих. При этом зарубежные журналисты считают, что отправляться в опасную командировку без бронежилета и каски – это признак сумасшествия [5]. Российские репортеры не считают, что защитные средства

могут помочь в случае беды. «В первые три командировки мы везли с собой бронежилеты и каски, а потом нет. От взрыва они не спасут, от снайпера не спасут», – объясняет корреспондент телеканала Russia Today Ирина Галушко [2]. В то же время репортер канала РЕН-ТВ Вячеслав Гузь отмечает, что редакция дала ему задание сделать сюжет о дороге из Бенгази в Триполи, но не позаботилась о безопасности съемочной группы: «Да это 1100 километров! Причем боевых действий! Когда мы вернулись, мне пришла смс-ка из Москвы: «Слава, а у вас есть бронежилеты?» Нет, у нас их нет. Мне предложили самому решать эти проблемы» [3].

Среди трудностей работы в «горячих точках» журналисты называют лицемерие человеческих смертей, потерю друзей и близких, взаимодействие с военными, адаптацию в новой среде и передачу информации в редакцию. «Обработка изображений и передача видео вместе с написанием материалов занимает свыше 10 часов. Практически не остается времени на сон», – поясняет корреспондент «Комсомольской правды» Дмитрий Стешин [6].

Столкновение с ужасами войны воздействует на эмоциональное состояние человека. Исследования канадского психолога Э. Файнстайна показали, что военные журналисты страдали посттравматическим стрессовым расстройством [8]. В интервью один из российских журналистов признался, что многолетняя работа в качестве военного репортера отразилась на его психике: «Пытался «запить» все это коньяком, но стало только хуже. Как последствие той психотравмы остался беспредметный кошмар, который приходит каждую ночь. В Ливии в прошлом году дошел до такого странного состояния профессиональной деформации личности, когда дома хочется на войну, на войне хочется домой. Плюс метеопатия как последствия контузий и сильные головные боли осенью и весной. В отличие от моего напарника, я пока легко отделался». Другой тележурналист признался, что после возвращения из Чечни (это была его первая командировка в «горячую точку») не мог ездить в метро, он не понимал, как люди спокойно живут в Москве, если в Чечне идет реальная война.

Проведенный анализ показал, что в целом позиции российских и зарубежных журналистов схожи, а отличаются лишь в некоторых частностях, а именно в вопросе личной безопасности и использования защитных средств.

Литература

1. Личное интервью с Мартином Бёрком, сценаристом СВС (07.12.2012)
2. Личное интервью с Ириной Галушко, корреспондентом телеканала Russia Today (20.08.2012)
3. Личное интервью с Вячеславом Гузем, корреспондентом телеканала РЕН-ТВ (03.09.2012)
4. Личное интервью с Дахром Джамелем, продюсером телеканала Al Jazeera (04.02.2013)
5. Личное интервью с фотографом Майклом Йоном (03.02.2013)
6. Личное интервью с Дмитрием Стешиным, корреспондентом ИД «Комсомольская правда» (25.12.2013)

7. Международное гуманитарное право: отвечаем на ваши вопросы. М.: Международный комитет Красного Креста, 2009. – 44 с.
8. A. Feinstein. A Hazardous Profession: War, Journalists, and Psychopathology. // American journal psychiatry, 159:9, September, 2002. – p. 1570-1575.